

**Федора Ароновича Орлов
Марк Туллий Цицерон.
Его жизнь и деятельность**
Серия «Жизнь замечательных
людей (ЖЗЛ от Павленкова)»

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175816

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Глава I

6

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Е. Орлов

Марк Туллий Цицерон

Его жизнь и деятельность

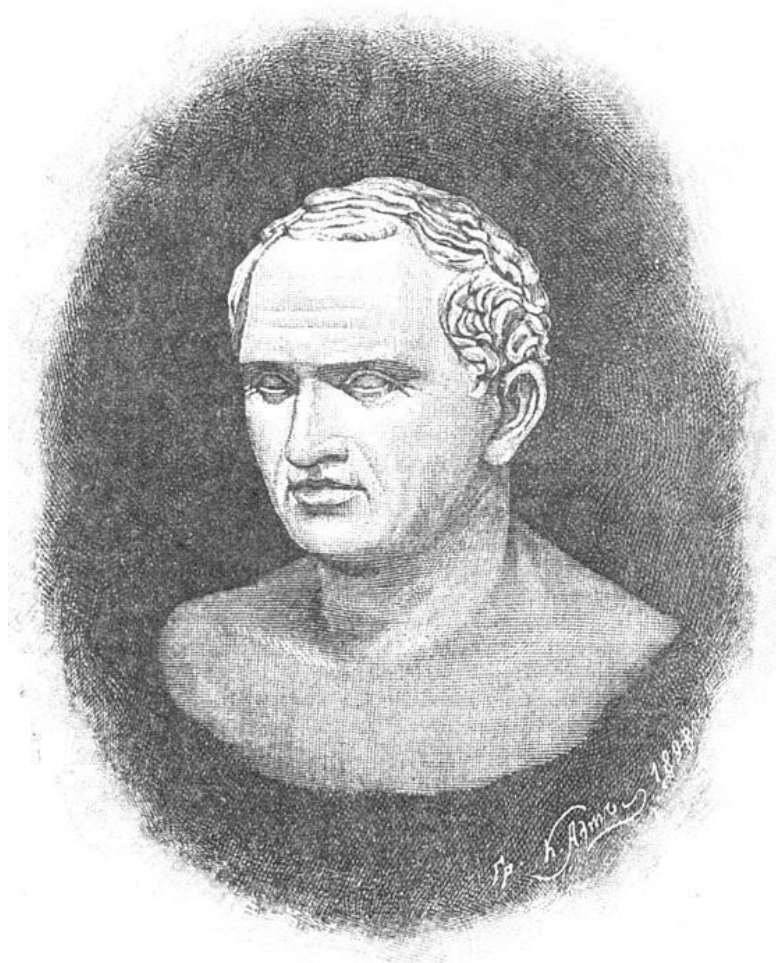
Биографические очерки

С портретом Цицерона,

гравированным в

Петербурге К. Адтом, и

другими иллюстрациями

Глава I

Наши сведения о Цицероне и разногласия в оценке его личности и деятельности. – Рождение и семья. – Воспитание и образование. – Выступление на публичное поприще. – Оппозиция Сулле. – Поездка в Грецию. – Дружба и переписка с Аттиком. – Его популярность в Риме. – Начало государственной деятельности. – Квесторство в Сицилии. – Верресов процесс: хищническая карьера Верреса, обвинения против него, разбор дела и успех Цицерона. – Verrinae. – Эдильство Цицерона. – Выступление его в качестве политического оратора. – Манилиев закон. – Кандидатура на консульство и измена демократии. – Оппозиция Сервилию Пуллу. – Заговор Катилины. – Личность Катилины, его политическая программа, кандидатура и революционные планы. – Оппозиция Цицерона. – Приемы борьбы. – Первая речь против Катилины. – Ошибка Пентулла. – Фиаско заговора. – Популярность Цицерона

Ни с кем из выдающихся личностей древности мы так близко, так частно не знакомы, как с Марком Туллием Цицероном, величайшим римским оратором и писателем. В то время, как значительное большинство первых проходит мимо наших взоров более или менее ясными профилями, обращенными к нам лишь той стороной, на которую пал рев-

нивый свет истории, образ Цицерона мы в состоянии восстановить во всей яркости и всесторонности живой личности, какую он являлся в действительности, в глазах современников и своих. Этим мы обязаны, помимо многочисленных его речей и сочинений, главным образом дошедшей до нас обширной – свыше 800 писем – переписке его с друзьями, которая по обилию заключающихся в ней данных представляет первоклассный автобиографический документ. Благодаря этой переписке мы знаем Цицерона не только как публично-го деятеля – политика, адвоката и писателя, но и как частное лицо – мужа, отца, брата и друга, и мы застаем его не только на ораторской трибуне, где-нибудь в сенате, суде и на форуме, но и в тесном кругу его близких и домашних, в интимной обстановке его дворцов и вилл, погруженным то в профессиональные занятия, то в изучение своих любимых авторов, то, наконец, в хлопоты и дразги будничной жизни. Начиная с 68 года – с того момента, как начинается его переписка – ни одно событие его многосторонней жизни не ускользает от наших взоров: нам известен каждый его шаг, нам знакомо каждое движение его души, мы знаем все его мечты и опасения, радости и горе. Для нас Цицерон как древний римлянин отступает на задний план; живописно наброшенная тога, величественно протянутая длань и прочие аксессуары классического героя исчезают бесследно, и их место занимает фигура человека, почти столь же близкого к нам по плоти и крови, как если бы он жил многими веками позже.

Но несмотря на это, несмотря на разнообразие и точность имеющихся у нас биографических сведений, личность и деятельность Цицерона являются предметом ожесточенных споров и разногласий для большинства историков и биографов. Одни, а именно немецкая историческая школа с Друманном и Моммзеном во главе, отрицают за Цицероном какие бы то ни было достоинства и заслуги не только в качестве политического деятеля, но и в качестве оратора и писателя: человек без талантов и без убеждений, он был не более, чем “политический флюгер” и “газетный памфлетист”, у которого в распоряжении было несравненно больше слов, нежели идей. Другие же, большей частью французы, возглавляемые Гастоном Буассье, рыцарски поднимают брошенную немцами перчатку и с самоотверженностью, достойной подражания в лучшем деле, стараются защитить Цицерона от нападков его противников: они выдвигают на первый план его симпатичные стороны, оттеняя его добродетели частного лица, и покрывают блистательным лоском его публичную карьеру, оправдывая ее очевидные изъяны “некоторой бесхарактерностью” и сами эти изъяны называя благозвучными именами “заблуждений” и “промахов”. Мы не станем вдаваться в разбирательство этих приговоров и исследование причин их разногласия; мы лишь позволим себе выразить свою солидарность с мнением Моммзена, поскольку оно касается политической деятельности нашего героя, и вместе с тем заявить свое несогласие с тем умалением ораторских та-

лантов Цицерона и его заслуг в философии и литературе, на какое решается знаменитый историк Рима. Наше мнение не эклектическое: мы и не думаем подписываться под дифирамбами, щедрою рукою расточаемыми Буассье и другими; мы лишь считаем приговор Моммзена слишком прямолинейным и желаем воздать *suum cuique*.

Марк Туллий Цицерон родился 3 января 106 года до Р. Х. в наследственном поместье, расположенном неподалеку от небольшого, но живописного городка Арпин. Как известно, из этого же города происходил и знаменитый вождь демократов Марий, и это обстоятельство давало впоследствии повод многим льстецам нашего героя заявлять, что Арпин дал отечеству двух его спасителей. Семья Цицерона была одна из тех здоровых провинциальных семей, которые благодаря своему цепкому консерватизму, смысленной практичности, терпению и трудолюбию долгое время являлись ядром нации, создав своими руками обширную Римскую республику, сильную устойчивостью и организацией. Это были зажиточные фермеры, которые, хотя и не насчитывали среди своих членов курульных магистратов, пользовались, тем не менее, значительным уважением и влиянием в околотке, имея кое-какие связи даже в самой столице. Предполагают, что один из предков Цицерона был простой крестьянин, занимавшийся огородничеством: отсюда это плебейское прозвище *Cicero* – род гороха, – которым так мужественно гордился впоследствии Марк, обещая насмешникам прославить его наравне с

аристократическими именами Скавров и Катуллов. Дед его был человеком старого закала, сухим, черствым и крепкоголовым, который ничего так не боялся, как новшеств, и особенно косо посматривал на греческие веяния, в ту пору все более и более распространявшиеся в италийской атмосфере. Его опасения, по-видимому, оправдались еще скорее, чем он ожидал, потому что сын его – отец Марка – был человек уже совсем иного покроя: болезненный, тихий и склонный к размышлению, он под влиянием книг и разговоров стал рано тяготиться мелкопоместной жизнью и мечтать если не самому вырваться из нее, то по крайней мере вытащить оттуда своих детей. Его жена Гельвия, родственница Цинны, сочувствовала ему в этом, и когда оба сына их, Марк Туллий и Квинт, достигли школьного возраста, они решили оставить деревню и переселиться в столицу.

Над мыслью и нравами римского общества тогда неограниченно господствовала эллинская культура с ее философией и религией, литературой и искусством. Греческие ученые и риторы были почти единственными учителями молодежи; их аудитории наполнялись цветом патрицианской знати, их язык стал фешенебельным, и среди богатых горожан было немало таких, которые имели подле себя в качестве руководителя какого-нибудь греческого философа. Естественно, что образование, которое получил молодой Цицерон, было эллинское. За исключением одного Кв. Эллия, у которого он обучался латинской грамматике, все его учителя, по совету

знаменитого оратора А. Красса, были выбираемы из греков: с ними он изучал греческий язык и литературу, математику, риторику и философию. Между прочим, одним из них был поэт Архий, которого он позднее защитил от тяжелого обвинения в произвольном присвоении прав римского гражданства. Учился он, по-видимому, блестяще: его способности, любознательность и знания составили ему такую громкую репутацию среди сверстников, что отцы последних часто приходили в школу посмотреть на феноменального мальчика и ставили его в пример своим сыновьям. В 91 году, когда ему исполнилось 15 лет и он, по римскому обычаю, получил мужскую тогу, он к своим прежним занятиям прибавил и изучение юриспруденции и родственных ей наук. Он поступил под руководство авгура Кв. Муция Сцеволы и стал усердно посещать форум, прислушиваясь к политическим и судебным речам. Его занятия были прерваны на год военной службой: он участвовал в войне с восставшими марсиями и состоял адъютантом при главнокомандующем Кв. Помпее Страбоне, отце Помпея Великого. Он, однако, не обнаружил ни военных талантов, ни военных доблестей и решил поэтому искать славы на гражданском поприще в занятиях адвокатурою и политикою. Наступившая затем междоусобная война между Марием и Суллою, в которой человеку таких наклонностей, как Цицерон, не было места, дала ему срок для приготовления к своей профессии: в течение шести лет он работал над философией, правами и риторикой, посещая

лекции эпикурейца Федра, слушая риторику у знаменитого Молона, но особенно охотно посещая философа Филона, который недавно приехал из Афин, спасаясь от меча Митридата. Этот Филон стоял во главе Новой Академии – той самой, которую основал Карнеад, приехавший в Италию в качестве посла зимою 156 года и удивлявший простодушных римлян своей блестящей диалектикою и умением доказывать тезис и антитезис с одинаковою убедительностью и успехом. По настоянию Катона Старшего, опасавшегося пагубного влияния его искусства на общественную нравственность, его вежливо выпроводили из столицы; но, по-видимому, это искусство пришлось по вкусу значительному большинству, и его преемники встретили лучший прием. К ним стали приходиться учиться риторике и диалектике, и к ним пришел наш Цицерон, для которого, как для будущего адвоката, ничто не могло быть полезнее искусства доказывать и отрицать положение с тем же умением. Другим его любимым наставником был стоик Диодот, у которого он обучался логике: с ним он заключил тесную дружбу и позднее даже пригласил его жить у себя в доме, где тот и провел остаток своих дней. Но больше всего, естественно, напирал Цицерон на красноречие: он не упускал ни одного случая послушать выдающегося оратора и сам ежедневно упражнялся в составлении декламаций на различные темы. Он изучал лучшие образчики слога и формы, особенно в греческой литературе, и по много раз переводил отрывки из Гомера, Еврипида, Демосфена, Эсхи-

на и Платона. Он сам сочинил трактат по теории красноречия под заглавием: “De inventione Rhetorica”, и написал даже целую поэму в стихах “Марий”, в которой воспевал подвиги этого народного героя. Сцевола провозгласил ее бессмертной, но ученый авгур жестоко ошибался: Цицерон был менее всего поэт, и стихи писал он больше ради упражнения в стиле, нежели из вдохновения.

В 27 лет он выступает, наконец, на публичную арену в качестве адвоката по уголовным и гражданским делам. К сожалению, следы его дебютов до нас не дошли: первая из существующих речей его в защиту Квинция по гражданскому иску относится к 81 г., а первая речь по уголовному делу в защиту Секстия Росция Америкского относится к 80 году. Эта последняя, несмотря на свою незрелость, замечательна во многих отношениях. Тогда был один из самых мрачных периодов в римской истории. Приверженцы Мария были уничтожены, и государственную машину республики захватил в свои руки его противник Сулла. Начались аристократическая реакция и террор. Головы демократов катились, как колосья, их имущество конфисковывалось, их имения разорялись, и друзья их либо расселялись по тюрьмам, либо подвергались изгнанию. Шпионы и убийцы, ободряемые надеждою на добычу, расплодились в невероятном количестве; интриги и преступления их доходили до наглости, и лучшие люди, особенно из богатых слоев, падали беззащитными жертвами их корысти и своеволия. Одним из таких

людей был старик Росций, отец Секстия, владевший тринадцатью виллами, из которых десять, по показаниям сына, стоили, по крайней мере, 250 талантов (талант – 2400 руб.). Хризогон, клевет и вольноотпущенник Суллы, наживший на имущественных конфискациях огромное состояние, давно уже зарился на эти поместья и, когда старик был однажды утром найден убитым – по наущению ли Хризогона, или нет, мы не знаем – и его имущество продавалось с молотка, он скупил 10 имений за смешную сумму в 2 тыс. драхм (драхма – 40 коп.). Мало того, чтобы замести следы и вместе с тем отнять у сына убитого возможность оспаривать имущество, он через некоего Эруция, негодяя первой руки, возводит на него обвинение в отцеубийстве. Дело было для всех ясно, как Божий день, но никто не имел смелости взять на себя защиту злополучного Росция и выступить против любимцев все сильного диктатора. Напрасно молодой Мессана, блестящий представитель блестящего дома, вместе со знатной матроной из рода Метеллов обещали свое покровительство, – ни один выдающийся адвокат не решался заступиться за обвиняемого и рисковать своей шкурою. Тогда предложил свои услуги молодой и неизвестный Цицерон; в речи, полной остроумия и сарказмов по адресу Хризогона, он доказал невиновность Секстия и добился его оправдания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.